

Лариса
Щиголь

Избранное

Лариса ЩИГОЛЬ

Избранное

• kottm
Москва
2013

УДК 82-14
ББК 84-5

Избранное / Лариса Щиголь

— М. : Издательство "АдамантЪ", 2013.

Щ-76

Издательство "• котт", 2013 — 152 с.

ISBN 978-5-86103-139-4

ISBN 978-5-86103-139-4

© оформление, макет издательство "• котт", 2013

© Л. Щиголь, 2013

© Издательство "АдамантЪ", 2013

* * *

По пыльной дороге, едва ли прямой,
Плетётся на ослике путник домой,
Пусты его брюхо, сума и мехи,
Но он по пути сочиняет стихи.

У дома он вырастил розовый куст,
Но дом его тоже, как прочее, пуст,
Вернее, и дома-то, в сущности, нет,
Но может быть, есть — или будет — сонет.

Нет, он не Шекспир, не Петрарка, не Дант,
Но важно призвание, а не талант,
И чем его жизнь тяжелей и бедней,
Тем выше и царственней небо над ней.

Любимая лжёт или терпит едва? —
Ну что ж, тем прекраснее будут слова.
Да пусть уж судьба приберёт и осла —
Ведь беды — фундамент его ремесла.

* * *

Как о самой главной моей поре,
При хорошей мине, плохой игре,
При дурной погоде и лучшем строе
Я была кому дочкой, кому — сестрою,
Кому мамой была, а кому — женой,
А кому и любовницей — бог со мной,
Я была ответчица и истица,
И летели клином ко мне жар-птицы,
А уж как прекрасен жар-птичий клин! —
Как не ставший комом последний блин.

Я пекла блины и варила плов,
И несли рыбаки ко мне свой улов,
И несли охотники мне трофеи,
А сама я была хороша, как фея,
И уж так была позарез нужна,
Всем-то дочкам дочь, жёнам всем жена,
Я была сочинительница и чтица,
И летели клином ко мне жар-птицы,
И летели жар-птицы со всех сторон,
На лету оборачиваясь в ворон.

* * *

В лесу, где нет тебя и нет меня,
Стояла призма нежного огня
И паутинка на кусте висела.
И бабочка на край сухого пня
Развёрнутой метафорой села.
Она была волшебно хороша,
И в ней овеществлённая душа
Была, должно быть, хороша когда-то...
И, может, что-то сходится, когда ты
Подолгу повторяешь, не спеша
И против склада с ладом не греша,
За мною: «Аты-баты, шли солдаты...»
Без подписи. Без местности. Без даты.

* * *

...А и правда, матушка, *ты не шей* мне:
Очень трудно было принять решение,
Но теперь ношу я платочек шейный,
На платочке — серебряный эдельвейс —
Символ здешних мест, если кто не слышал,
Он был здесь во множестве, был — да вышел,
А сейчас взобрался куда-то выше,
Да и выше — вышел почти что весь.

Нам самим бы полочку в книге Красной,
С сарафаном, вот, и о нём же басней,
Коих в мире, может, и нет прекрасней,
Да кому из нынешних ко двору?
Ты не шей: в сарафане здесь было б *зимно*,
И само шитьё твоё — эксклюзивно,
А цветочек местный — неотразим, но
Был да вышел. Я тоже, даст Бог, помру.

* * *

С чего бы мне хотеть туда?
Там слишком близко поезда
Проходят — и земля трясется,
Там у столба коза пасется
И очень может забода...

Там дворик сорною травой
Зарос, там бабка жучит деда
И, заклана в виду обеда,
Крылами бьет моя Победа
С отрубленную головой...

* * *

Я теперь живу — или что-то вроде
В благодатной Германии — и твержу *телёнок в подклети*:
Странные овощи появились в их огороде —
Видно, сильно заблудшие в прошлом тысячелетье
Окаянные души они спасают.

Я теперь *европейка нежная* — или что-то вроде
(Ничего, перемелется — будем вполне едины):
Тоже, знаете, чуден Рейн при тихой погоде,
И редкая палка долетит до его середины,
Потому что их туда не бросают.

Ностальгия

Не выходи из комнаты...

И. Бродский

Октябрьская годовщина. Парад. И ещё салют.
Окно на главную площадь затянуто кумачом.
Может, пойти проветриться? До того, как пошлют? —
И будешь гулять, не думая ни за чем, ни о чём.

Можешь выйти на площадь? А почему бы нет?
Это у нас — пожалуйста. Но не забудь, уходя,
Выключить газ и воду на кухне. А также свет
В уборной. И выходи. Увидишь портрет вождя.

Но света в конце туннеля, наоборот, не жди.
И что? Мы привыкли в туннеле. Живём себе, ничего.
На прочих фасадах развешены остальные вожди...
Но туннели всё же кончаются. Или вроде того.

Красный бантик в петлице. Приветственный жест руки —
Щубка лижет мороженое, не глядя бежит шинель.
Что ж — лет через тридцать узрят младобольшевики,
Так же сделают ручкой — и с песней уйдут в туннель.

* * *

*Империя... это как увидеть живого
летающего птеродактиля —
разве можно за ним не побежать?*

Андрей Битов на встрече с немецкими читателями

Капитан, силком захвативший рубку,
Табакон папиросным набивший трубку,
В летний жар и лютую стынь зимы
Сквозь пески-барханы и льды-торосы
Свой ведёт корабль. А куда? Вопросы
Задавали не мы. Задаём не мы.

А поскольку не мы, то и впрямь не пёс ли
С нами всеми, такими, — увы, не львы,
Ибо, как оказалось, ни до, ни после
Не был так грандиозен престиж Москвы.

Может им, императорам (сплошь — тиранам),
Доставаться и должно тем самым странам,
Где вопросов лишних не задают,
Полагают традицией лучшей косность,
Варят сталь, запускают леталки в космос,
Мало-мальский мещанством клеймят уют,
Проливают слёзы в доме колонном,
Подпевают хорам красноречивым
И вино зелено, точно воду, пьют?
То есть нам ли, чумным, да ещё в антракте ль,
О добре и зле, о последнем акте ль —
Предпоследней битве добра и зла —
Рассуждать? Ведь над нами, ещё цела,
Пролетает Империя. *Птеродактиль*.
Страховидна, избыточна, тяжела,
Но зато — в полнеба размах крыла...

Историческая песня

*(Исполняется на мотив
«Ехал на ярмарку ухарь-купец»)*

Как по ухабистой горной тропе
Едет проезжий по имени П.,
Едет проезжий, встречает арбу —
Г. проезжает в закрытом гробу.

Как от версты к полосатой версте
Едет проезжий по имени Т.,
Едет-спешит, довершает судьбу —
П. уезжает в закрытом гробу.

Спит мелколосье, телега не спит,
Осью немазанной песню скрипит:
«Едет проезжий, встречает арбу...».
Ворон скучает на каждом дубу.

* * *

Кто вышел в Пушкины, а кто не вышел, да.
Он будет Вяземским, и это не беда, —
Или Языковым, что уж совсем неплохо.
Что ж, какова бы ни была эпоха,
А Пушкин у неё один всегда.

Как все, был в жизни гость. Но из гостей,
Что балы посещают для забавы —
И тянется за ним, помимо славы,
Шлейф в виде эха сплетен и страстей.

А что не дура у него губа —
Так и у нас с тобой она не дура,
Но тем, кому судьба литература,
Характер — и тем более судьба.

При жизни он бывал невыносим,
Теперь же пусть не благостен — но сносен,
Когда лежит среди родных осин —
Или чужих платанов или сосен, —
А мы ещё по свету колесим.

Иль в небесах висит среди светил
И по ночам смущает наши думы.
А плата... По запросу и платил.
У прочих не сыскалось нужной суммы.

Морозко

Сказка-то скоро сказывается — а мы, дураки, и рады:
Добродетель обязывается дожидаться награды,
Мишка в берлогу прячется, белка и ёж в дупло,
Куропатка — под наст. А падчерица говорит Морозке: «Тепло».

Метёт рассказчик, как бишь его, амбары и, да, сусеки.
До генерала Карбышева парсеки ещё, парсеки...
Не всякий со смертью справится ей же самой назло.
И вновь говорит красавица Морозке: «Тепло».

А некуда рукодельнице деться из этой сказки —
Ужо ты дождёшься, девица, счастливой развязки,
Уж ты поответишь, девица, Морозке: «Тепло»...
Рассказчик — вот этот денется. Ему-то чего? Трепло...

* * *

А в тех селеньях, где иных уж нет,
Живет один блондин или брюнет,
А то, пожалуй, что и вовсе рыжий —
Отсюда я в упор его не вижу.

Там у него колодец и забор,
И под забором две заросших грядки,
А за забором — да, еловый бор,
Зубчатый, тёмный — с этим все в порядке.

Там на дворе трава, а на траве —
Дрова — и подлинней, и покороче,
И у него такое в голове,
Что знали бы — не вспоминали к ночи —
А то иные вспоминать охочи —
Верст за три тыщи — минимум за две.

Он пьян с утра — такая полоса:
Пацан в тюрьме, жена, поди, сбежала.
Но у него в чулане есть коса,
И то: коси коса, пока роса —
Красивое, внушительное жало.

И есть река. В реке плотва и лещ,
И, может, сом — пошуровать у ям бы.
Теперь вот будут ямбы. Тоже вещь.
В таких местах незаменимы ямбы.

И у него, как будто, есть страна.
Она ему не то чтоб не нужна,
И он не то чтоб ей не нужен тоже —
Но в этом они, всё-таки, похожи.
Авось ещё поладят. Ни хрена.

А что чекисты лезут в главари —
Так там зимой такие снегири,
В кадучке — грузди, в погребе — картошка,
В лесу брусника, клюква и морошка,
А уж черники — и не говори.

Памяти родителей

* * *

Счастливым год сороковой
Шумел зелёною листвою,
Тогда был папа молодой
И мама — молода,
И пахло ветром и водой,
И небом, и простой едой,
А вот вселенскою бедой
Не пахла жизнь тогда.

Когда двоим по двадцать лет,
И он ведёт мотоциклет,
А за спиной — почти балет! —
Верхом сидит она,
И думать, видимо, не след
О том, что жизнь одна.

Они гуляли при луне,
Они мечтали обо мне
И плавали в пруду,
И были счастливы вполне
В своей немыслимой стране
В сороковом году.

Они учились на врачей,
Ходили слушать скрипачей,
Их пафос сталинских речей
Пьянил сильнее вина,
И после лекций, все в мелу,
Они встречались на углу,
А за углом ждала она,
Священная война.

* * *

Комната в коммуналке на шестерых. В ночи
Шёпот, тихие всхлипы. Но поутру — ничего.
Дело врачей. В семействе чуть ли не все — врачи,
Только я ещё недоросль. Юное существо.

— Можно самим уехать осюда, покуда не...
Здесь нас по-настоящему он ещё не прижал...
— Как это — некуда ехать? В нашей большой стране...
И потом, остаётся всё-таки Биробиджан...

— Я никуда не пое... — прокручивается в голове.
Если б меня спросили, я тоже бы — никуда.
Первая арифметика. Из трёх я решила две.
Может, успею у Лильки, она-то уж точно — да.

Но Лилька смотрит волчицей. Прикрыла локтем тетрадь.
Съезжает на краешек парты. — И больше не лезь ко мне!
Вас вообще отсюдова надо давно убрать,
Потому что убийцы. В нашей большой стране...

Ловкий снежок вlepляется на унылом ходу.
Скорей обидно, чем больно. Но терплю, не реву...
Март небывало снежный выпал в этом году.
Ночью сосед уезжает на похороны в Москву.

* * *

...А ещё, если вовремя приканал,
Там перед фильмом бывал журнал,
Где корячились в зонах риска
Сталевары и трактористки,

Фигуристки слетались по льду в звезду,
И мальчишки, сидевшие в первом ряду
(Сплошь, по бабушке, *башибузуки*),
Издавали трубные звуки.

А самые главные — там, в Москве,
Шеренгой, с крепом на рукаве,
Карауля у гроба тирана,
Косились на нас с экрана.

* * *

Не воскресить по щучьему велению
(А также по горячему молению)
Родителей (и всё их поколеньё),
Ушедших без претензий и затей,
Чтоб стать, как полагалось им по вере,
Дорожной пылью, дымом в атмосфере,
Разубедивших на своём примере
Потомков — даже собственных детей,
Довольствовавшихся ничтожно малым,
Делившихся куском и одеялом,
Служивших безнадёжным идеалам
И их оборонявших — как могли,
Родившихся, чтоб сказку сделать болью,
Гордившихся своей безумной ролью,
Сгодившихся, чтоб стать небесной солью
На чёрном круге выжженной земли.

Текст реакционный

Помнишь ли наши безумные споры
В поисках смысла и точки опоры?
Сущность позиций — ценою в пятак —
Можно теперь сформулировать так:

— Недостижимо паденье режима,
Прочность Империи непостижима,
Это бессмертная прочность яйца —
Есть ей начало, но нет ей конца.

А в возраженье, к примеру, звучало:
— Нет ничего, что имело б начало
И не имело при этом конца.
Данная мысль согревала сердца.

...Правы вторые. Империя пала.
Что-то упало, а что-то — пропало,
Тех же, кого и помиловал взрыв,
Вынесло в Мюнхен, Нью-Йорк, Тель-Авив.

Вот мы сидим по долинам и горкам,
Давимся хлебом изгнания горьким
И полагаем, что ныне вполне
Были б готовы терпеть и вдвойне.

Вечная память Империи павшей,
Ради единства ночами не спавшей,
И да горят до скончания дней
Наши сердца благодарностью к ней.

Апология змеи

(очень реакционный текст)

Змее подколодной, Империи зла,
Сломали хребет, и она уползла
На север, в леса, под колоду —
за вашу и нашу свободу
Лежит под тяжёлой колодой она,
Меж тем как свободы — уже до хрена,
И мышцы, хватив марафету,
Гуляют гульмя по буфету.
А те, кто решил, что довольно кота,
Не смыслят в делах и котах ни черта:
Кошачий дозор, к сожаленью,
Чреват лихоимстовом и ленью.

Империя — эфа, гадюка, гюрза,
Удав, анаконда, стервоза —
Зато у неё золотые глаза
И грозная сила гипноза,
Империя — аспид, питон, сатана,
Но яд источает целебный она
В аптечную белую чашу,
Опять-таки: в вашу — и в нашу,
И древняя мудрость таится в змее,
И солнце горит на её чешуе,
И алые стяги над нею
В сиянии этом виднее.

Империи дюжи — но склонны ко злу.
И с этим бы надо считаться козлу,
Который валяет героя,
Другую империю строя.
А впрочем, похоже, что выхода нет,

Поскольку на лучшей из лучших планет
Истории колья и перья
Упрочили славу империй.

Змея же... Быть может, она и умрёт,
Затем что приходит известный черёд
Свободы, мышей, диффамаций...
Но может ещё оклемасться.

Попытка верлибра

А. Г.

В китчеватой немецкой кафешке
под ненавязчивый шелест
венгерского танца Брамса
итальянец и два еврея
ведут беседу по-русски.
Терпкая Valpolicella смягчает неловкость
Первого часа знакомства.

— Все хотят быть Римом, — говорит итальянец, —
вон, германская нация, или та же Россия —
Третьим Римом себя возомнила,
между тем как...

— Между тем как, — думаю я, но помалкиваю,
опасаясь задеть итальянца, —
они им всё-таки были,
и Вторым, и, наверно, Третьим —
в им отпущенной мере
времени и пространства,
как умели, ведь подражанье —
столп и основа культуры,
видимо, и цивилизаций.
Впрочем, первому, главному Риму
мы, пожалуй, обязаны этим свиданьем.

... — Между тем как — это мы были Римом,
мы же им и остались:
население внутренних провинций
с варварами так и не смешалось.

— Между тем как, — думаю я, — четвёртый,
не причастный к этой беседе,
уже написал о признаках краха
последнего, заокеанского Рима,
и он бы здесь, несомненно,
был уместней даже Valpolicell`ы.

Вечереющие окна кафешки
открывают оживлённую площадь,
где тяжёлая серая громада
знаменитой Галереи полководцев,
повидавшая те ещё виды,
пребывает в непреложном соседстве —
через узкую улочку напротив—
итальянской барочной церкви,
чья бледно-жёлтая штукатурка
растворяется в таком же свете
заходящего неяркого солнца.
Дует фён, и темнеет быстро.

* * *

Я здесь одна,
Я здесь бедна,
Мне ни покрывки здесь ни дна,
Зато из моего окна
Вселенная видна,
Там от зари и до зари
По крышам бродят сизари
И от звезды и до звезды
В кустах свистят дрозды.

А в палисаднике, желты,
Глядят на солнышко цветы,
Но я с балконной высоты
Не знаю их на ты,
Туда под вечер голубой
Выходит кошка на разбой,
И, знамо дело, над собой
Имеет хвост трубой.

Ко мне по стенке лезет плющ,
Он вездесущ и всемогущ,
Он к нам пришёл из райских кущ
И держит с ними связь,
И чем ты ближе к склону дней,
Тем эта связь тебе видней,
И ощущаешь эту связь,
Уже и не дивясь.

Не слишком далеко от звёзд
Торчит на ветке чёрный хвост —
Сидит на ветке певчий дрозд,
Козявку теребя,
Сидит на ветке чёрный дрозд,
Который тоже, в общем, мост,
Чего вполне, конечно, дост-
-остаточно, ребя.

* * *

Здесь липы не деревья — дерева.
Под низкий бобрик стрижена трава,
Свистят в кустах бесчисленные птицы,
Ручные зайцы, белки и куницы
Блаженствуют в бесчисленных садах,
И лебеди в бесчисленных прудах
Высокие вытягивают шеи
В зеркалах вод стократно хорошея.

Богатая и тёплая страна.
Но согревает — разве что снаружи.
Как будто бы внутри провезена
Какая-то бытийственная стужа,
Какая-то ментальная вина
С неразрешённым багажом *оттуда*,
Или, скорей, ментальная простуда
С анамнезом неясным, и она
Никак не может быть излечена
В краю озёр, дворцов, церковных шпилей
И неземной красы автомобилей...

А может, расстояния презрев,
Поверх барьеров, шпилей и деревьев
Незримо сообщаются сосуды.

* * *

Нынче июнь приключился в апреле:
Ночью гремят соловьиные трели,
Липы готовятся цвести,
Одолеевая зевоту тугую,
Жадно в компьютерах ищут благу
Люди о дождике весть.

Солнышко жарит, злорадно ликуя,
Столбик термометра шпарит, бликуя,
В панике, в страхе, в тоске,
Как от обидчиков вверх по канату,
Напоминая собой ординату —
Стрелку на школьной доске.

Это не в меру поспешное лето
Тоже кого-то сживает со света —
Крокус, подснежник, нарцисс...
Видимо, птицы, деревья, цветочки
Не преуспели при поисках точки,
Заданной осью абсцисс.

Неотправленное письмо

Уж осень в тамошних лесах,
Деревья голы...
А здесь в лазурных небесах
Летят глаголы,

Они торопятся на юг
Из Вашей дали,
Но здесь их, как и нас, мой друг,
Увы, не ждали —

Летят, навроде лебедей,
Под небесами
И, не зажег сердца людей,
Сгорают сами.

Но стынет горнее тепло
Внизу, в буржухах...
А я сижу, треплым-трепло,
Полёт слежу их.

И Божий мир в моём окне
Поёт и дышит...
Давным-давно оттуда мне
Никто не пишет.

* * *

... А ещё я, сударь, кормлю синицу
Да мараю компьютерную страницу, —
Ну а что мне, сударь, ночами снится,
То наутро в памяти не хранится.

А с утра я чешу волоса густые
Да украдкой гляжу в небеса пустые:
Журавля не видать, а синица тоже
Окончательно в руки нейдёт, похоже.

А часы идут, и синица свищет
И в порожнем блюдечке корму ищет,
Да от липы — по осени — тень сквозная...
Ну а больше я ничего не знаю:

Умножающий знанье — печаль умножит...
Обещался любить, да, видать, не может...

**Ни дня без строчки,
или в ожидании А. Г.**

В тот смутный миг, когда тебя настиг
Какой-нибудь неугомонный стих,
Гонимый в двери, лезущий в окошко,
Впусти его — пусть погостит немножко:
Ещё не твёрд, ещё не знаменит,
Он будет тихий, ласковый, как кошка,
Пока её другой не поманит.

И то сказать: на улице теплынь,
Растёт трава полынь, звезда Полынь
Стоит над миром. А чего пророчит,
Никто не может знать наверняка
(А если даже может, то не хочет).
Налей-ка лучше кошке молока —
С тебя же может статья, дурака,
Прогнать стишок, не уделив ни крошки.
А ведь стишки злопамятны, как кошки,
Не приласкать, не покормить — беда:
Уйдёт и не вернётся. Никогда.

Прогулка сочинителей в Нимфенбургском парке

Мимо зимних гробов для статуй, поставленных на попа,
Мы вчетвером гуляем — то есть почти толпа —
В Нимфенбургском парке — местном эрзац-Версале.
Всё остальное, видимо, давно уже написали.

Из каких писаний известно: любовь слепа,
Почему поразить способна то мальчика, то старуху.
И лебедь садится на воду, сделав такое па,
Как будто бы собирается идти по ней, как по суху.

Последние бурые листья ветер несёт с вершин
Древесных, и воздух сыр, и солнце уже садится.
И, окунувший голову, лебедь выглядит как кувшин,
Погружаемый ручкой кверху, чтобы набрать водицы.

Впрочем, также известно, что, хотя она и слепа,
Но, преследуя жертву, бывает куда как зрячей.
И, роняя редкие реплики, неспешно бредёт толпа,
По временам отражаясь в стылой воде стоячей.

Охотники за словами! Жертвователи богам
В деревянных мундирах, а по сезону — голым!
И ветер ныряет в чащу и приносит к ногам
Зайчика, куропатку и пару-тройку глаголов.

Небо — как сизый жемчуг, и вода — как слюда,
И холоднее вечности мраморные перила,
И каждый из них по-своему говорит: никогда —
Впрочем, я то же самое сама себе говорила.

Каждый — сам себе жертва. Сам себе и палач.
Но не каждый умеет выбрать лучшую из каденций.
И тихий звон водопада напоминает плач
Уже совсем засыпающего обиженного младенца.

Вариант сюжета

Я поймала золотую рыбку.
Ничего у неё не попросила,
Только бросила взгляд высокомерный:
Мол, не стану я до просьб унижаться —
И пустила в синее море.

Это было, видно, рыбке обидно,
Что могуществом её погнушались
И пытались превзойти высокомерьем,
Но сперва она не подала виду.

То есть стала, как ни в чём не бывало,
Приносить мне из моря подарки:
То жемчужину с картошку отыщет,
То монисто из красных кораллов,
То, глядишь, лежит дублон на песочке
И сияет, как маленькое солнце.

Я никак её не благодарила,
Ну, не кланялась, челом ей не била,
Только старое разбитое корыто
Заменяла новой лоханью,
Оцинкованной и очень обширной,
И стирала в ней, по-прежнему прилежно,
Стариковские порты и портянки
И другие мелкие вещи.
Прясть же пряжу я сроду не умела.

Ну, подумала рыбка, поглядела
И не сразу, но тактику сменила:
То заезжий знаменитый профессор
Мне нечаянно в любви объяснится,
То в столичном публикуют журнале,

То привидится сон несказанный,
Что гуляю я по райскому саду,
Ем без счёту райские гранаты
И выплёвываю косточки на землю.
А однажды заявила с бутылкой
(Банку шпрот от сердца оторвала)
И рыдала о доле златорыбьей,
Вопрошала на предмет уваженья
И пыталась прыгнуть с балкона.

Я и тут её не благодарила,
Ничего у неё не попросила —
Даже пряник какой-нибудь печатный:
Ничего, обойдусь, мол, непечатным —
Знай, сидела на пороге землянки,
Любовалась лоханью новой
И стирала в ней усердно портянки
И другие мелкие вещи.

И тогда рассердилась рыбка,
Окончательно, совсем рассвиrepела
И обиду таить уже не стала.

Раз взглянула я на синее море,
А на нём не волны — цунами,
И не то что ходят и воют,
А пол-острова запросто сносят.
Отвернулась я от такого вида
И пошла домой, и уснула.

А когда наутро проснулась,
Больше не было не то что цунами —
Даже не было самого моря,
И не то что там новой лохани —
Даже не было старого корыта.

... А ещё оказалось очевидно,
Что на всём бескрайнем белом свете
(Даже, может, немножечко за краем)
Больше некому стирать портянки
И другие мелкие вещи.

Элегия

...И вот пошли чужие времена:
Кому уже *несрочная весна*,
Кому ещё Столетняя война,
А кто-то — до поры, условно — в нетях,
И наплывают лица, имена
Тех и других — но чаще всё же этих,
Последних, — видно, тоже в таковых
Я ими числюсь. Теми, кто в живых.

Ни жизнь ни смерть (ни два ни полтора).
То ж за окном: *унылая пора*.

Пока сентябрь. Один из тихих дней,
Зима из коих не в пример видней,
Чем из ноябрьской мозглости и грязи,
А навсегда утраченные связи
Ещё видней.
Как паутинки в бледном свете дня,
Они блестят, но так же, за мгновенья,
Истаивают от прикосновенья.
Забудь меня!

Доспело всё, имевшее доспеть,
И скуден день — а надо бы успеть
В мартиролог ещё добавить строчку.
И у притихшей речки рак свистит
(Тут свистнешь, примеряя на родной
Неотвратимый панцирь ледяной),
Свистит чуть слышно — знамо, в одиночку...

Листвой усталой липа шелестит,
И небо пыльным золотом блестит —
Туман, и солнце светит вполнакала.
Касательно же щучьего вокала...
Пусть тоже еле слышно — не La Scala, —
Что б ей не спеть?

* * *

В белый свет, как в копеечку,
Вылетела — живу:
Держит меня, уклеечку,
Удочка на плаву.

Ох, тяжеленька удочка,
Да уж я-то — легка,
Вот мне и вышла дудочка
Прямо из поплавка.

Как речка переливается,
Как шелестит листва,
Так из неё прорываются
С пузырьками слова:

— Все-то вы, уловители, —
Те ещё рыбаки:
Только меня и видели —
Хвостик да плавники.

Милый ты мой, доверчивый,
Вся-то я на слуху —
Ты уж не переперчивай
Будущую уху.

* * *

Это необязательная болтовня,
Только и значащая: услышь меня,
То есть не то чтоб не осуди —
Но хотя бы не слишком строго,
И не то чтоб уж прямо прижми к груди,
Но не гони с порога.

Это нечаянные слова,
Означающие, что за мной — Москва,
То есть мне некуда отступить (но тебе наступать — неохота),
И я не то чтоб теперь в бегах,
Но уже залегла *ни на шаг* в снегах,
Как некогда там — пехота.

Это летающее с потолка —
Или с неба? — попросту с языка? —
Неподъёмней снежинки и мотылька,
Mea culpa — то есть грешу и каюсь.
И бегут в бесконечность — или куда? —
Два — параллельных? — ну да — следа —
По Эвклиду, не пересекаясь.

* * *

Александр Мелихову

Потому что позёмка бежит, как песок,
Человек, оперевшись ладонью в висок,
Различает среди белого праха,
Как, пинаема в спину настырной пургой, —
Или, может, субстанцией близкой другой —
Напряжённо ползёт черепаха.

Человек, оперевшись глазами в окно,
Видит — если и в поезде — или темно —
Или чьё-то дыхание рядом:
Черепаха ползёт в направленьи воды,
А за нею ползут черепашьи следы,
Различимые внутренним взглядом.

Потому что глаза черепахи узки,
В них не вдруг обнажается столь же тоски,
Сколь и мужества — или бесстрашья.
И крутится песок — или, может, пурга,
И ложатся барханы — а может, снега,
Заметая следы черепашьи.

Охота

Владимиру Берязеву

Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик...

Жрать не искали, а — души свои веселили:
Белого зайчика в белом лесу подстрелили,
Пять мужиков — на одну нежношёрстную шкурку —
Алая кровушка насмерть примёрзла к окурку.

Водку глушили, патронов-пыжей не жалели —
Зимние маки на белом снегу заалели,
Едет трофей, не пеняя, лыжнёю неловкой,
Алые пятна роняя пробитой головкой.

Шик камуфляжный сгоняется кровушкой алой,
Алою кровушкой, алой — но всё-таки малой:
Большие беды отводит *мужская забава* —
Белому зайчику, мёртвому зайчику — слава!

... Может, не слышал он боли в смертельном испуге,
Тёплый животик за други кладя и не други...
Вон он висит, небрежённый, под крышей сарая,
Алою кровушкой белую шкурку марая.

* * *

Медленно, медленно мокрой дорожкой знакомой
К цели своей неизвестной ползёт насекомый
(Впрочем, ему эта цель, может быть, и ясна),
Медленно, медленно — осень, поди, не весна.

В мокрую гору, по астрам, распластанным в лёжке,
Переплетаясь, ползут насекомые ножки,
Счастье ещё, что вороны не видно пока —
Может, судьба и, того, пощадит старика.

Где твоё небо, бескрылая божья коровка?
Медленно близится неодолимая бровка,
Медленно близится, медленно — дело к зиме,
Медленно, медленно, медленно, медленно, ме...

* * *

В этот замысел входит вымысел.
В этот вымысел входит промысел.
Образ выносил. Глину вымесил.
Создать — создал. На нём и выместил.
Его же помыслами и вымостил
Путь в мученьях и наугад
(Выкрасил, выматросил и выбросил):
Пусть не знает, чего и выпросил —
Сад ли райский, садистский ад.

Кораблик

У неприятных берегов,
У вторников и четвергов
Моих печалей,
Издалека заметный мне,
Бежит кораблик по волне,
Волной качаем.

Кораблик маленький такой,
Как будто в бурях есть покой,
Как мы учили,
В рассветный час, в закатный час
Он проплывает мимо нас —
Быть может, в Чили.

Не подари меня рублём,
А только этим кораблём,
Бумажным, слабым,
Его за гребнем не видеть,
Его не всякий стал бы ждать,
А я — ждала бы.

Чтоб эту горечь утопить,
Не чай с вареньем надо пить —
Варенье с чаем...
Плывёт кораблик по волнам,
Плывёт кораблик, но не к нам —
И мы дичаем.

* * *

...И, кажется, трудно припомнить, о ком
Не бил барабан перед смутным полком,
И колокол тоже по нём не звонил —
За пошлой нехваткой чернил.

И вот он в земле, безымянный, лежит
И даже не слышит, как время бежит,
Как рачьи и щучьи уже голоса
Летят прямиком в небеса.

Но грянет музыка — и будет она
Ему и за гробом слышна.

Из цикла «Памяти Иосифа Бродского»

* * *

Я — та старушка из той избушки на курногах,
Отмыкавши жизнь на неверных её кругах,
И как-то услышав по радио весть конца,
Я всхлипнула, но не сварила себе яйца.

Прошли уже годы с тех пор, как случилась весть,
И я их варила — ведь надо же было есть,
Менялись кухни, ещё посуда, ещё лицо —
И слёзы сделались величиной с яйцо.

Непросто ладить с таким надсадом моей избе,
Но всё стоит она к лесу задом, лицом — к тебе,
И как бы въяве, и как во сне бы дела ни шли,
Но голос с неба звучит, как ещё с земли.

Летейские воды

Это не смерть к нам приходит, пугая,
А начинается просто другая
Жизнь. Но сбывается: мы — это мы.
Там, за рекой, в залетейской долине,
В смутных и нежных пространствах Беллини
Видятся гроты её и холмы.

Волны в борта ударяют неслышно,
И наполняются музыкой вышней
Сферы: Вивальди, а может быть, Бах.

Взысканы лаской нежданной Господней,
Так и уходим — в рубашке исподней,
С розовой пеной на бледных губах.

Так начинается новая эра,
И от Сан-Марко ведёт к *Cimitero*
Длинная стрелка: тончайший изгиб.
И удаляются здешние метки:
Дворик в тени, черно-белые клетки,
Райские яблочки, пухлые детки —
Но, растворяясь, никто не погиб.

То ли мы к рощам причалим лицейским,
То ли к цветным куполам венецейским —
Но под знакомый и ласковый кров.
И уплывают в лазури густые
Лёгкой толпой облачка золотые —
Общие, видно, для многих миров.

* * *

М. Т.

Старушка, одуванчик Божий,
Головкой жёлтой с ним и схожий,
Но *в новой жизни помнить дождей* —
Её удел и, видно, вкус.
Она спешит на курьих лапках
В искривленных, но модных тапках
И выглядит смешной охапкой
Цветочков, пёрышек и бус.

Но как из стёклышек и пуха
Там проступает ясность духа
И точность зрения и слуха,
И мнений острые углы,
И как сквозь чёлочку «болонкой»
И дым от сигаретки тонкой
Ещё или уже ребёнка
Глаза безгрешны и светлы!

Ах, дух где хочет, там и дышит,
И нас Господь, конечно, слышит,
И тот узор, что нами вышит,
Он вставит в раму не спеша.
Ему ль не знать, как все мы хрупки,
Как тают пёрышки голубки,
Как истончаются скорлупки
И обнажается душа?

* * *

У ангела домика нету:
В дырявых бумажных чулках
Он бродит по белому свету
И спит на сырых облаках.

Он вечно кому-нибудь нужен:
Назвался груздём, так храни,
А то, что он сир и простужен,
Понять не умеют они.

Ночная хламидка не греет,
А крылья пора постирать...
Знать, ангелы тоже стареют
И, видно, должны умирать.

Апология Б. Л. П.

*... и особенно наивность взрослого человека,
крупнейшего поэта и мужчины, — непростительна.*

Б. Х.

Дураки, юродивые, кликуши!
Как нелепо устроены ваши души,
Как превратно настроены ваши уши,
В ваших горлышках тикает, как в часах:
Вы с ограды Летнего, что ли, сада
Кому надо поёте, кому не надо,
И святому, и гаду, и сыну гада —
Или даже тирану в смазных усах.

А зачем поёт соловей тирану?
А затем, что *не петь* ему — вовсе странно,
И тиран наливает воды из крана,
Полудохлых мух насыпает в щель,
Принимет идущую к делу позу,
Представляет почившую в Бозе розу,
Отставляет не-жизнь и её не-прозу:
Жизнь — от силы средство, а песня — цель.

Вертопрахи, бражники, златоротцы!
Не бороться — не значит не напороться:
Мяч влетает в собственные ворота —
Изнутри торопит и жжёт глагол,
И не сразу въедешь в угаре оном,
Что не Пастырь высится над амвоном,
А дымится небо над стадионом
И чужие болельщики воют: го-ол!

Раз таким родился — пиши пропало:
Будешь петь когда и кому попало,
Да и где попало: в горах Непала,

В амазонском лесу, на озёрном дне —
И тем более те же *решать задачи*
На вменённой в судьбу подмосковной даче —
Или тоже даче, но чуть иначе:
В забугорном днесь уже Ирпене.

Пустобрехи, гаеры, донкихоты!
Тушу мамонта вам не тащить с охоты,
Не пробиться в легенды морской пехоты,
В зимних видах спорта не преуспеть,
Не разжиться чёрным ли налом, белым,
Не ужиться с ловким бабцом дебатым,
Вообще: *мужским настоящим делом*
Не владеть: ибо птичкино дело — петь!

Фридриху Горенштейну

Нас ждёт не смерть, а новая среда...

И. Бродский

Мы все когда-нибудь умрём,
Возможно — даже скоро.
И мы с собой не заберём
Преображённый январём
И обнажённый фонарём
Ночной кусок забора.

Но этот рядовой забор
Запомнит чей-то нежный взор
Из верхнего окошка,
И вещества его раствор —
Сучков, зазубринок и пор —
Быть может, с этих самых пор
Изменится немножко.

Бела за окнами метель,
Белым-бела твоя постель,
Лишь скрип заоблачных петель
Идиллии не равен,
Да то, что тем, с того двора
Давно заборам в печь пора
И обнаружится с утра,
Что нет на окнах ставен.

Нас ждёт не менее чем рай —
Забор, рябина и сарай,
И в *тот* переправляясь край,
Пред ними я покаюсь.
Но только ты не умирай,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, не умирай,
Не умирай покамест!

* * *

С той поры утекло не много воды, но вся вода,
И томящийся жаждой будет ею томим всегда,
И в пустыне не раз прельстится злокозненным миражом,
И колючкой по ней прокатится, и проползёт ежом.

Дует ветер пустыни, победу пустыни трубя,
Превращая тебя в неё, а её — в тебя,
Залепляя глаза песком, ослепляя один из двух,
Выжигая душу и закаляя дух.

Можно жить и в пустыне, ничего на песке не строя,
Чтоб для будущей жизни быть засыпанным им, как Троя.
Но не каждая Троя удостоится пасть в бою.
Пусть — не строя. Хотя бы стоя. Пока стою.

* * *

Памяти М.

В этой точке... да, бифуркации
Шелестели и сохли акации
И синела в море вода.
Непомерные наши старания
Закипали солью на ране, и
Судьба пошла не туда.

Ты давно уже умер, кажется...
Как с тобой, мальчишкой, не вяжется
Этот грустный полувопрос!
...А вода была двадцать градусов,
И казалось: живи и радуйся...
Вот и пожили. Только врозь.

* * *

Летит эта песня быстрее, чем птица...
Из песни о Сталине

Я к Вам пишу туда, куда
Обычно пишут неохотно,
Куда уходит полк пехотный
С красивой песнею походной,
Чтоб не вернуться никогда.

Сперва она гремит в лесах
И эхом по горам катится,
Потом летит быстрее, чем птица,
Чтобы повыше очутиться
И наконец развоплотиться
В непроходимых небесах...

* * *

Кто готовит коньки и салазки,
Кто и лыжи — но это не мы.
На балконе аютины глазки
Ждут прижимистой солнечной ласки
И дрожат в предстояньи зимы.

Но октябрьское солнце — прохладно,
Посветило для формы — и ладно —
И исчезло в глухих облаках.
Если б были у глазок желёзки,
То какие бы горькие слёзки
Заблестели на их лепестках!

Но маэстро считает удачей
Вариант, достоверный без плачей —
Как в масштабе приватной беды,
Так и бедствий стихийных. И к слову:
Очень выгодно бархат лиловый
Оттеняет сверканье воды.

* * *

Здесьнее время цветенья акаций,
Блиских вакаций и версификаций,
Время чесаться, чихать и сморкаться —
В воздухе нега, огонь и пыльца,
Время жестоких сенных лихорадок,
Время возвышенных дегенератов,
Ими же с понтом сожженных тетрадок,
Не пожелавших сгореть до конца.

Тают в лазури прозрачные тучки,
В вафельных корочках — сладкие штучки,
Деньги задолго до новой полочки,
Нежное сердце в стеснённой груди,
Тают мечты, имена и названья,
Жёлтый шампунь в остывающей ванне,
День, проведённый лежа на диване, —
Будет и вечер: ужю погоди.

В кронах развешена лунная пакля,
Дрозд из кустов профанирует Тракля,
С жаром войдя в оформленье спектакля,
Съел полгазона стригущий лишай.
В койках храпят благодравные боши,
Дрыхнет за облаком Феб-Аполлоша —
Хрен тебе жертвы от старой калоши,
Спи, моя радость, — и мне не мешай.

Две песенки

1

Засыпает землю белым снежком —
Не гляди со смешком, не ходи пешком,
Вообще туда не ходи, балда, —
Занесёт без следа и Бог весть, куда, —

А там идёт-бредёт Дед Мороз с мешком,
Засыпает землю белым снежком,
Отмывает добела кобелей —
Наш снежок-то, дружок, всех иных белей.

2

...Только ты сперва говори «халва»,
Чтоб ещё наперёд подсластить слова,
Чтобы речь, как реченька, потекла
По глазури из сахарного стекла.

А сладимая, слаже и глаже речь
По конфеткам-камушкам будет бечь,
А уж там — варенье, а там и мёд —
А потом она и сама поймёт.

Старость

Мне снился прекрасный и тягостный сон,
Что мы говорим, наконец, в унисон,
Не спорим, чествуя легендарных персон,
И все откровения стали не тяжки,
Что в доме каком-то, пустом, несвоём,
Лежим на полу и друг другу даём
И курим одну сигарету вдвоём,
Исправно, однако, считая затяжки.

И всё же во сне, откровенно крутом,
Я знаю, что всё происходит потом,
Что прах твой лежит под железным крестом
На северном, Богом забытом болоте,
Что ключ нам не нужен, чтоб дверь запереть
И эхом накопленной страсти гореть,
Поскольку уже ты успел умереть,
И нет подлежащей укрытию плоти.

А утром, остыв от сомнительных грёз
И столь же банально непролитых слёз,
Смекаешь, что всё завершилось всерьёз,
Что жизнь прожита и что больше не надо,
Что мало ль, какая приснится фигня,
Что это начало паскудного дня,
Что ждут, и давно, с нетерпеньем меня
Овсяная каша и пол-авокадо.

* * *

Под уклон скатившийся снежный ком
Был когда-то тоже простым снежком,
Но катился с горы, разбухал, нахал,—
Вот и выма-хал.

Вспоминая о том о снежке простом,
Он лежит под горкой и под кустом,
Под крутящимся в небе сухим листом,
Попираем вороньим дрянным хвостом,
Подпираем сосной, что твоей стеной,
И растает весной.

* * *

Я стою на кухонном подоконнике за занавеской справа,
В красном горшке на синей тарелке с отколотым уголком.
Кажется, я опунция — или, может, агавы —
В общем, малозаметное, с полусохшим цветком.

Окно... Да, давно не мыли. Не то чтобы запустение,
Но... Дети, конечно, выросли и... но где же жена?
Ах, как прекрасно мы выглядели, комнатные растения,
Когда в этой старой кухне хозяйничала она.

Мне много воды не надо. Сейчас бы мне — *Больше света!*
Затем сюда и поставили, чтоб почаще цвести.
То есть когда казалось... Но теперь уже это
Для тебя — как будто и не было. Не до меня. Прости.

... И всё же она появляется, изящная, но мужская
Рука с облезлым кофейником... Тридцать четыре дня!..
Спасибо. Теперь мне хватит до... Я тебя отпускаю:
Вряд ли... Но если всё-таки... Вспомни, полей меня!

* * *

Мне достался не худший клочок земли,
Чтоб смотреть на него в окно.
Тот, кто ангелу смерти прикажет: «Пли!» —
Сам любит им давно,
Кто рисует теперь для него кружок,
Выбирал цвета и цветы,
Может, Он ему скажет: «Постой, дружок,
Полюбуйся чуть-чуть и ты».

* * *

То плохоразличимы, то ясны,
С запрошлогодней, видимо, весны
Имелись в ощущеньи три сосны —
Как бы модель таинственного бора.
И мы, мотаясь сим минилеском,
Покрытым серой хвоей и песком,
До хрипоты трепали языком,
Который есть надежда и опора.

И вскоре тему, что была дана,
Мы ухитрились исчерпать до дна,
И малая её величина
Уже не представляла интереса.
Но уходила, как вода в песок,
Как ягода в глубокий туесок,
Как девица по ягоду в лесок —
С тем, чтоб уже не выбраться из леса.

Шумят на нашей родине леса,
Скрывая чудеса и голоса,
А сплошь и рядом — также телеса
В поганой жиже темного болотца.
А истина, зело себя храня
От умников, не говоря — меня,
До Судного лежит, быть может, дня
В краю ином, на самом дне колодца.

Два стихотворения Яну Торчинскому
(уже памяти)

* * *

*Если бы не боялся, что зазнаешься,
сказал бы — виртуозно.
Из письма Я. Т.*

Я не зазнаюсь, милый, — где уж нам уж?
А дальше там идёт, конечно, «замуж»,
Который тянет «уж» и «невтерпёж» —
Язык... Моё тут, разве что, крепёж:
Болты, тире, шплинты, отточья, гайки —
Не то чтобы и много для зазнайки?

Язык... Он спит, как змей — покуда свёрнут,
Но если за него кого-то дёрнут,
То этот гад с пособен довести
До сведенья, до ручки, до упада,
До Киева... Туда-то мне и надо,
И потому нам нынче по пути.

* * *

...Словечки же лёгкой добычей не мни:
Кой чёрт — поперхнуться расхожей ошибкой?
За ними и в самый-то омут нырни,
Исследуй, преследуй, хлебни, догони —
Старайся — и, может быть, вынырнешь с рыбкой.

И трудно сказать, господин доброхот,
Чем, в сущности, это является — то ли
Охотой, которая пуще неволи,
Неволей, которая слаще охот...

* * *

Не поспевший к причастию буйвола выбирает сегодня пепси —
Ну, и дует её старательно, причём в любую погоду.
А я, покуда хватает спеси,
Вбираю ещё минеральную воду —
Той страны, где нам удалось родиться,
Но никто не сможет похвастать, что там и помер.
Хороша, если помните, была водица —
«Ессентуки» — или, там, «Боржоми», такой-то номер.

Та страна теперь представляется морем света,
Но, наверно, иллюзия: дело скорей в размахе.
И, конечно, там были страхи. Но были это
Тоже... как бы точнее... иного масштаба страхи...
... Поднимаешься в небо с пузырьками кислого газа —
Или каплешь в стакан серебристым таким стаккато...
«Отдыхайте на курортах Кавказа!» —
Говорит улыбающийся гражданин с плаката.

Вместо баллады

При попытке туда пробиться
Непроглядный туман клубится,
Затаился в кустах убийца,
Ночь ненастна и жизнь подла...
Представляемый без нажима,
Едет князь и его дружина,
А сюжет и его пружина
Приторочены у седла.

И когда она развернётся,
Светлый князь домой не вернётся,
И вдова в терему качнётся,
Белы ручки вскинет горе,
И лишь год или два, не доле,
Погорюет о тяжкой доле,
Подчинится Господней воле
И угаснет в монастыре.

У грядущего обелиска
Грязь и темень, и конным склизко —
Кто внесёт их посмертно в списки
И поставит в законный ряд?
Что за тайны столетья спрячут?
Кто там плачет? А кто не плачет...
А слова ничего не значат —
Их нечаянно говорят...

* * *

Римляне-бритты стрижены-бриты,
Персы и русские о бородах:
Пенятся вёсла, мелькают копыта,
Мчатся упряжки в полуночных льдах.

Дерзкие лодманы цивилизаций!
На многотрудном и долгом пути
В скольких смертях вам пришлось подвизаться,
Чтобы доплыть, дошагать, доползти!

Вот этот град, от забвенья спасённый, —
Тауэр, Форум, Европа в окне,
Вот Победитель, над ним вознесённый —
Грозная бронза на гордом коне,

Он указывает рукой отведённой:
Почта, Макдональдс, стоянка такси —
То ли Калигула, то ли Будённый,
То ли вся Самодержец Руси...

Прощание славянки

Ах, сударь, дело не во мне,
И не в сомнительном вине,
И не в божественном огне,
Свалившемся в сугробы —
А трудно, сударь, жить в говне,
Пускай и высшей пробы.

Ах, сударь, дело и не в вас,
И не в пинаемой сейчас,
Невыносимой без прикрас,
Ментальности восточной —
А только Бог не слышит нас,
Меня уж, сударь, точно.

И верно, сударь, вам пора:
Идёт военная игра,
А дел амурных мастера
И в ратных, чай, не слабы...
А что до пёстрога ковра,
Что вы сулили мне вчера,
То я его — взяла бы.

С позволения сказать — гекзаметр

Пuls, непрерывно стучащий в виски, — это просто гекзаметр,
Тот, кто сумеет расслышать гекзаметр, — возможно, поэт.
Боги довольно легко принимают дипломный экзамен,
Ибо работы по этой специальности, в принципе, нет.

Жизнь — это, видимо, некое время и место, откуда
В тщетный за мёртвой возлюбленной можно отправиться путь.
Амфоры с их персонажами стройными — просто посуда,
Функции коей бездарно утрачены — в этом и суть.

Ещё гекзаметр

Вдвое и втрое не любит нас осенью Гелиос ярый —
Паки и паки минует претящих его колесница.
Зримы осадки. Опять не пойду в магазин и на почту.
Гнев, о богиня, воспой — ахинея: не в маму, а в сына.

* * *

Лячке с благодарностью

Ах, коготок увяз в смоле янтарной!
Увы, просчёт — такой элементарный —
Премногими несчастьями чреват...
Но c'est la vie — никто не виноват.

Сломалась ножка, тонкая, как спичка —
Но писк перекрывает электричка,
А всю картину — пышная листва,
Да сверх того — *слова, слова, слова...*
Но коготок увяз, и плачет птичка,
Пока она жива. Пока жива...

Скерцо для трубы

По старой дружбе, службе, ворожбе
Один играет соло на трубе,
Другой блаженно слушает трубу,
А третий в этот миг лежит в гробу.

У всех троих завидная судьба:
Во-первых, есть солидная труба,
Есть слушатель, а значит, и успех,
И вечность есть, вмещающая всех.

Былинка

Это кто там дудит
И в окошко глядит,
И кого ни попало укусит?
Это главный бандит,
И его победит
Тот, который ни разу не струсит.

Я ведь тоже сижу
И в окошко гляжу,
А слуга мне готовит кольчугу.
Я его побегу,
А потом пощажу
И хлеб-соль предложу, словно другу.

То не гром за рекой,
То не ветер такой —
Это во поле чистом забава.
На щите — упокой,
Со щитом — успокой,
А премудрому — вечная слава.

Баллада о запрещённой любви

Мумуну Радашкевичу,
коту и эсквайру

*...Но, конечно же, я не был бы поэтом,
Если б мысль моя закончилась на этом.*

Илья Сельвинский

С утра в окне стоял туман —
Октябрь брал своё.
Едва начавшийся роман
Переходил в вытё,

В тот скорбный мьяв, что облака
Пронзает испокон,
Когда поднимется рука,
Чтобы закрыть балкон.

Итак, в туманном октябре,
В предвестии зимы:
Кот в доме, кошка во дворе,
А остальные — мы.

О бедный, бедный кот чужой
В окошке в полный рост,
Шальной любовью, как вожжой,
Ужаленный под хвост!

О, как он плакал, бедный кот,
Как рвался вон и на,
Когда судьба рукой господ
Сняла его с окна!

И как металась, та, внизу,
В кустах, траву измяв,

Без права даже на слезу,
Не говоря — на мья!

А он бы мог (не вру ничуть:
Случись — и я б смогла),
Шагнув с балкона, развернуть
Два белые крыла,

Он мог, усат и полосат,
Но слаб, зависим, бос,
Спорхнуть с балкона в дивный сад
Любовных грёз — и роз.

Не плачь, не сетуй, не зови,
Не провоцируй мглу:
Глотай таблетку от любви
И спи в своём углу,

Без грёз, без сновидений, без
«Услышь» или «прости»,
Пока не прозвучит с небес
Вердикт: «Конец пути»,

Пока домчит тебя авто
В какой-то там Париж,
Где и душой в *пространство то*
Вовек не воспарись.

Молчи, скрывайся, не ропщи,
Смирись и не грусти,
Несолоно хлебая щи
На том конце пути,

Не буйствуй, не ходи на ны —
Любовь не *обрести*,

И щц равно несолоны
В любом конце пути.

Вот так и нас... Вот так и мы
(Не к слову говоря)...
В преддверьи тьмы, в канун зимы,
К исходу октября...

* * *

Ледяную избушку построю —
Всё равно не житьё в лубяной,
Ледяное окошко открою —
Подышу напоследок весной
И, прищурясь на солнышко-печку,
Посмотрю из-под лапки-руки,
Как струятся в апрельскую речку
Ледяные мои ручейки.

* * *

Мир ограничен утёсом пустынным
Или банальным каким-нибудь тыном —
Это неважно уже.
Только, мечтать о свободе отчаясь,
Некое дерево дремлет, качаясь,
Здесь, на своём рубеже.

Там, за рекою — широкой ли, узкой —
И за дорогой — турецкой? французской? —
Пленники той же судьбы,
Никнут, покорно её принимая,
Тонкие ветки под ветром ломая,
Пальмы, платаны, дубы...

* * *

Ну вот и потерял ключик —
А ты был ещё из лучших,
Из тех, как учили детку,
С кем можно идти в разведку.

Что ж делать, раз нам обоим
Досталась разведка боем,
Где раненых не спасают
И даже своих бросают.

Но помня, как мы летели,
Как пело в душе и теле
Прекрасное чувство связи,
Я доползла восвояси.

Все мы просим у Бога
Счастья, хотя б немного,
И даже не замечаем,
Что часто и получаем.

* * *

Любовь делилась пополам
Совсем ещё вчера,
Но надо верить зеркалам,
Когда придёт пора.

Пусть подтвердят они сполна
Отчаянье твоё—
Но раз не делится она,
Тогда — убей её,

Сгнои, замучай, затрави,
Пошли погуще на—
Нет беззащитнее любви,
Что не разделена,

За грош — ну, скажем, за пятак
Сгуби, сведи с ума...
А может, с ней не надо так:
Пускай она сама

От истощения умрёт,
От невниманья к ней:
Когда приходит твой черёд,
Её черёд — трудней.

* * *

На самом склоне лет дорвавшись до писаний,
Непросто совмещать приличья и уют:
Уже не до того, чтоб разбирать, чьи сани:
Садишься в те, какие подают.

* * *

Что ж — Пушкин? Ну сказал — и был таков.
На то и гений — не понять не стыдно.
А что между словесных игроков
Столь много наплодилось дураков,
Так в том его вина не очевидна.

Что ж — Пушкин? Ну сказал — так ведь не нам.
Известно, что поэт по временам
Насмешничал и даже корчил рожи.
Известно же, что тот, кому сказал,
Эвтерпу и впоследствии терзал
И что вообще врубился — непохоже.

Что ж — Пушкин? Сам-то был умён, как бес.
И с этой констатацией, и без:
Никто других к уму не приневолит.
Вот он сейчас глядит на нас с небес,
Хихикает в кулак и ноготь холит.

* * *

Поэт в России больше... нет, скорей
Русскоязычьем взысканный еврей.
Поэт в России меньше... нет, скромней,
Чем кровью-почвой связанные с ней.

А потому герой, о коем речь,
Её гражданством вправе пренебречь
(Хоть им порой пожизненно наказан),
Но уж поэтом — дудки! — быть обязан.

* * *

Спасенья нет от ямбов и хореев
Евреев из страны гипербореев —
Знать, с оной целью данная страна
Была им и в диаспоры дана.

* * *

...А искусство, быть может, не боле
Шуток хитрой на выдумку голи,
Вариант противления боли
И попытка уменьшить её,
Не возвышенный спич пред народом
С априори неясным исходом,
А рутинная палочка с йодом
И последующее дутьё.

* * *

В тридевятое время в тридесятой стране
В напряжённой динамиками тишине
Со стороны Исторического Музея
Направляется Маршал на белом коне —
И свидетели млеют, глаза...

В тридесятой округе, в тридевятиом вчера
На последнем пределе молчат рупора,
Накопившие тысячи глоток «ура»...

...в направлении Мавзолея...

Отпускает шара в небеса детвора,
И трепещет пространство, алея,
И глазают свидетели, млея...

— *Товарищ Верховный главнокомандующий!!!*

— А вы говорите о демокра...
Видите, сударь, *электорат*
Предпочтёт военный парад...

А когда по торцовой мостовой
Грянет марш образцовейший духовой
Сводный Оркестр Московского Гарнизона,
Возражать вообще не резонно...

Андекс

В. Шубину

В недалгих верстах в затенённых местах
Растёт ежевика на цепких кустах
По склонам горы каменистым —
Как раз по плечу коммунистам.

И есть монастырь там, на этой горе,
И пиво баварят в том монастыре,
И пьют по огромным террасам
С капустой и жареным мясом.

А с этих террас необъятных видна —
Ещё необъятней и краше — страна,
Лесистой, озёрней, безбрежней —
А всё не обширнее прежней.

И я там была, ежевику рвала,
Убоину ела и пиво пила,
И в дальние дали без дела
С высокой террасы глядела.

А что до известных усов-бороды,
То в пиве содержится столько воды
(И я-то не так бородата),
Что смоей и память когда-то...

* * *

Покуривая в нежном холодке,
Разглядываю фрукты на лотке,
Меж тем как рядом бродят человечки,
Которые топили нами печки.

И если у судьбы на поводке
Явилась я, как будто так и надо,
Сюда за пышной кистью винограда,
То, видимо, достойна печи ада —
Не то что печки в ближнем городке.

Песня

*На чужой сторонушке
рад своей воронушке*
Пословица

Не хотелось ворону
На чужую сторону,
Да пришла во двор она,
Умная сестра:

— Там еда — обильная,
Там община — сильная,
Там одежда — стильная,
И — давно пора.

Но в гостях, случается,
Жизнь не получается,
И грустит-печалится
Молодой брюнет:

— Есть еда — обильная,
Есть община — сильная,
Есть среда — плавильная,
Только жизни — нет.

Есть одежда — стильная,
Есть сестра — мобильная,
Есть жена — дебильная,
Только жизни — нет.

Есть тоска — стабильная...

**Остановка
на Дахауэрштрассе**

На улице Дахау
Сижу и отдыхау
И пью-не просыхау
Дешёвый *апфель-шорт*.

А улица Дахау,
Когда была плохау,
Вела без *ноу-хау*
На мировой курорт.

А до последней трассы
Жильцам известной расы
Пороли здесь матрасы
И били зеркала.

По улице ходила
Большая крокодила —
До первого угла
Дошла и умерла.

Стихи на покупку томика Пушки
в Мюнхенском магазине
«Хугендубель»
на Карлсплац (Штахус),
бывшей Гитлерсплац

Он здесь бывал, ещё не в галифе...
И. Бродский

Из большого из дома из книжного
Возле круга фонтанно-бульжного,
Где стояла фигура *Облыжного* —
По подсчётам, уже в галифе, —
На свою на Westpark отдаленную
Через всю-то дурную вселенную
Я тащу мою вещь сокровенную —
Сорок марок и сколько-то пфе.

Пусть и в этой сомнительной местности,
Воплощеньи порядка и честности,
Что — Париж по печальной известности,
А по сути и духу — дыра,
Светит Солнце Российской Словесности,
Беззакатное Солнце, — ура!

Из цикла «Постсоветские песенки»

Песенка о городе М.

В далёкий край товарищ почему-то
К итогу жизни кости поволок —
И обнаружил странный для маршрута,
Зато любезный сердцу уголок:

Там в глубине каштановой аллеи
На холмике над Изаром-рекой
Скучает в тесной клетке Лорелея,
И Тютчев стережёт её покой.

Товарищ напрягался, память вспучив
(Фронты фронтами и война войной...),
Но всё-таки допёр, при чём здесь Тютчев
И Лорелея за его спиной:

А — на границе тучи ходят хмуро,
А — за границей — край сплошной зимы,
И в том краю живёт Литература,
У коей этот автор взят взаймы,

И может, он не часовой — конвойный,
И за собой ведёт девятый вал
В любимый город, могший спать спокойно,
А он не спал. И прочим не давал.

Новая старая песня

Тю-тю Александровск
И Харьков — тю-тю,
Но поезд стоит
На запасном пути,
И чтоб не заржавел
Он там навсегда,
Его бы, пожалуй,
Направить куда.

А так как известно
Доныне и днесь,
Откуда у парня
Имперская спесь,
Пойдём куда надо
И песню споём
И щит на врата
Цареграда прибьём.

Куда до Царьграда
Испанской мечте,
И сколько же можно
Лежать на щите?
Не надо, не надо,
Не надо, друзья:
Член НАТО она,
Византия моя.

Попурри

Потому что с пелёнок
Нам летать, как *орлёнок*,
Выше солнца вменялось всегда,
Нелетающим птицам,
Нам пришлось очутиться
В переплёте чужого гнезда.

Бродят, сиры и глухи,
Старики и старухи
Меж чужих «мерседесов» и вилл,
Но во сне эмигранты
Слышат в полночь куранты
И *на подвиги нас вдохновил*.

Да пребудут к нам страны
Проживанья гуманны,
Сны спокойны и души легки:
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

* * *

Я тоже любил, и дыхание...
Б. Пастернак

Не в итоге вносимых истцом апелляций,
Но сокрытых от смертного манипуляций
То, за что мы давно перестали цепляться,
Возвращается к нам на каком-то витке,
Вожделенный пароль зацепив в коготке.

Но — как ржавый кинжал из ободренных ножен.
Потому что реальный возврат — невозможен,
И не только что в смысле пловца и реки,
Но и этому смыслу почти вопреки:
Тёмен мир, и колодцы его глубоки.

Люди слепы. А часто и хуже, чем слепы.
По причине чего превращаются в склепы
Наши души. А с ними порой и тела.
Жизнь, пожалуй что, гемма — скорей, чем камень,
И на данный запрос сообщить Вам имею
Лишь формальную справку: я тоже была.

Из серии «Жизнь в искусстве»

*Рояль дрожащий — под седло, —
И в путь, зимою.
Кому-то, может, запахло,
А я — помою.
Оно и стоит поскрести
Пола в сортире,
Поскольку «Зимнего пути»
Нет лучше в мире.*

*Не пострадает мой престиж —
Не склонен к чувствам,
А ты, дружок, меня простишь,
Пожив искусством.
Добыча плавно перейдёт
В рубли и кроны,
А с нас *корона не спадёт* —
Нема короны.*

*Да и завидовать не след
Судьбе монаршей.
Что ж — Шуберт? — помер в тридцать лет.
Но мы — постарше.
Авось свинья не сложит нас,
Равно как мойры...
А в среднем там выходит в час
Четыре ойры.*

* * *

Покуда вороны становятся *влом* —
Я скоро всех местных сочту,
Мой скверный товарищ, махая веслом,
Меня ожидает в порту.

Ну да, на причале — в каком там порту,
Но скоро дождётся авось,
Вот только достать бы мне денежку ту,
Что следует за перевоз.

А может, и в местных не много сорвут —
Оно и не стоит цены:
По Лете-реке далеко не плывут,
А только до той стороны.

Неопределение творчества

В отличие от филистерской толпы,
Стишки приходят ночью, как клопы,
И этим тварям незнакома жалость:
Разя сивухой, щекоча и жалясь,
Они всю ночь по автору ползут
И оставляют волдыри и зуд,
Бессонницу, Гомера и усталость.

А утром — здрасьте! — вот вам и толпа —
Не зарастает ейная тропа —
Юнцы и пенсионные старухи.
Ты говоришь им: «Я всю ночь не спа...»,
Они к тебе традиционно глухи,
А в самых острых случаях — глухи.
И злобны. Так являются стихи.

* * *

... А ровно в полночь я зажгу свечу,
Накину плащ, насыплю бисер в миску,
Пешком спущусь в свинарник — благо близко —
И там всё это дело размечу.
И завершив мой одинокий труд,
Усядусь в угол и, подперши щёку,
Понаблюдаю, как его попрут —
Всё утешенье сердцу одиноку.

* * *

Трудясь с рассвета дотемна
Была усердна и скромна,
Не шлялась, не пила вина
И жизнь не торопила —
И вот большой мешок зерна
Я к старости скопила.

Но, видно, всё же был грешок,
И прохудился мой мешок,
И за стишком течёт стишок
Сквозь дырочку в холстине.
Подайте мне иглу и нить,
Чтоб эту дырку починить
И хоть на бедность сохранить
Хозяйке и скотине.

* * *

И затем, что печальные эти места
И не жили, а так — ожидали Христа,

И затем, что в пургу там не видно ни зги —
И глаза залепляет, и пудрит мозги,

И затем, что вообще предстоять пред судьбой
Одному потрудней, чем *гуртом и гурьбой*,

Там гуляют метели, пурга и мороз,
Завивая клубки наподобие роз.

... И шагает братишка-матрос впереди —
Пулемётные ленты крестом на груди.

* * *

Будьте, как дети...
Евангелия

Артист привык во все века
Ловить от власти тумака,
Ведь ей вредны наверняка
Перо, стило, фломастер,
Но как-то все идет, пока
Тиран не спросит дурака,
Кто мастер, кто не мастер.

Не сыщется на меня, братва:
И я — не против естества,
А уж тем паче — мастерства
И вокруг него витийства.
Да только чьи это слова,
Что простота-де воровства
Похуже? А убийства?

* * *

Ноябрьский день, нескладен и дремуч,
Влачит к закату тяжкую телегу.
Но только глянет солнышко из туч,
Как враз по свежевьпавшему снегу —
Покинув шпильи крыш и дерева,
Спецкамуфляж напяливши едва, —
Пойдёт гулять... ну, в общем, *alter ego*,
И на снегу останутся слова,
Её напечатлённые следами,
Не молодой и не прекрасной даме,
Являющейся что ни час в окне...
Да что там — предназначенные мне.
И я их запишу. Привет, ворона!
Смотри, мы даже движемся синхронно,
Итак, *смотри случайные черты*,
И ты увидишь: я — второе ты.

* * *

Отозвалось киске за все изыски:
Молоко прокисло в немытой миске,
Колбасой протухшей кидают в рожу,
И с любимой подушки прогнали тоже.

Поддаёт пинком ей под зад хозяйка:
«А пошла отсюдова, попрошайка,
Постарела шкура, поднадоела...»
А она-то гадает, чьё сало съела...

Прогулка

На майском лужке по лекальной кривой
Летают кузнечики над головой,
Летают ажурные тельца
И лёгкие души владельцев,
Летает пчела над весёлым цветком,
И шершень под небо уходит витком,
И всё, сколько взгляда хватает,
Летает, летает, летает..
Летают стрекозы над синей водой,
И бражник летает — такой молодой!..
И мухи летают, однако...
А мы не летаем, собака...

* * *

Кто стучится в дверь ко мне
Изнутри, а не извне?

Это он, закован в латы,
А под латами патлато,
Бородато и козлато,
А по верх ведра — плюмаж.
И поди такому вмажь!

Очень просто, почему
Открывают дверь ему.

Памяти русской грамматики

Ехавши в поезде, шляпа упала
Под заунывную песню колёс.
Ветер, о шпалы треща как попало,
Оную шляпу в безвестность понёс.

Вслед ей махали еловые лапы,
Слали приветствия речка и луг...
Ехавши далее вовсе без шляпы,
Грустною думой задумался вдруг:

Может быть, сельских достигнет окраин,
Где и поймает её попадья...
Что ли юдоли своей ли хозяин?
Шляпе ли ветреной? Бог ей судья...

Эпитафия

А не кури. А не сори.
А не живи по лжи.
Чужое слово? Не бери,
На место положи.

А если взял, так уж держи,
Не отдавай другим.
И свет гаси. И не лежи,
Когда играют гимн.

А если лёг, так уж не встань,
Совсем и никогда —
Не будешь братъ чужую дрянь —
Слова и города.

Манифест

Нет, я не Байрон...

М. Лермонтов

Нет, я не дама, да, не дама —
Нипочему.
И даже мужику не дам, а
Сама возьму.

Я дамских шляп и финтифлюшек —
Да, не ношу,
И нежных слов для дамских ушек —
Нет, не пишу.

И если мне целуют ручки
(Ну, раз в году), —
Я и на этикие штучки
Как раз кладу.

И если услышать придётся:
Нет у тебя, чего кладётся,
Что чушь-то несть?
Я и тогда отвечу прямо:
Да, я не дама, нет, не дама,
И значит — есть!

Новогоднее

Здесь зимы не бывает,
А в декабре — тем паче,
Фён её задувает
Пастью своей горячей,
Громоздя из окрестных
Лип и пернатого хора
Гул — как в партерных креслах
К выходу дирижёра.

Ах, на пороге Сильвестра,
Здешнего Нового Года,
Не откажите, маэстро,
Чуть помедлить у входа —
Может, за малость эту
Нам и воздаст сторицей
То, что пригасшим светом
В будущем озарится,

В будущем, кое зримо
И на глазах творимо
То совершенством грима,
То приветом из Рима,
То городком в соседстве,
Пряничным, точно в детстве,
С вечным его музыкантом
На бонбоньерке с бантом.

Будущее, вводимо
Жестом руки лебединым,
Льёт к голубым сединам,
Столь же непобедимым,
И, сопрягая в мотиве
Следствия и причины,

Выглядит в перспективе
От прошлого неотличимым.

Белые розы — в петлицы!
Слёзы — на белые лица!
Чтобы вернее слиться
С тем, что ещё продлится:

С ветром, землёй, травой,
С выпорхнувшей Сороковою...

* * *

Всё-то тянет нас, беспечных,
В тёмный лес сюжетов вечных —
И противиться не мне.
Из страны оборонённой
Едет ратник, приклонённый,
Этим лесом на коне.

Бился он за страх и совесть,
И его сраженья повесть
Приумножится в веках.
Змей сдыхает, побеждённый,
Ратник едет, измождённый,
Месяц едет в облаках.

Ох и тяжек подвиг ратный,
Ох и долог путь возвратный —
Конь впадает в хромоту.
Кровь течёт на круп и сбрую
И на землю на сырую,
На сырую, да не ту.

Забывай меня, голубка,
За соболью-болью шубку,
За яичко Фаберже.
Тихо звякает уздечка.
Прощевай, моё сердечко —
Не увидимся уже.

* * *

Юрию Малецкому

Как гусеница шёлковую нить,
Ты тянешь из себя за строчкой строчку,
Чтобы соткать посмертную сорочку
И в куколке себя похоронить
Уродливой. Навеки ли? Бог весть...
Весна в природе вообще-то есть,
И в майский день, в виду открытых окон
Зашевелится грязно-бурый кокон,
И из него появится на свет
Прекрасное... Не ты, конечно, нет,
Но лишь твоим мученьям и заботам
Обязанное сказочным полётом...
Но бабочка не помнит ничего:
Она уже другое существо.

* * *

Что задаром дано соловью и розе,
Недоступно и самой тончайшей прозе,
А стишку — вот ему иногда дано,
Даже quantum satis, пожалуй, но
За таким, с позволения сказать, стишком
Всю вселенную надо пройти пешком,
Не прельстясь жеребцом — или, там, кобылой,
Как при поисках общеизвестной милой.
А один многослойный текучий Пруст,
Кто сорвал поцелуй с соловьиных уст
И кому улыбнулась роза,
Не вполне, может быть, и проза...

* * *

Обрастая поэзией, как плющом,
Не блистая в ней (вообще — ни в чём),
Но её за душой лелея,
Превращаешься в старый забытый грот,
Романтический — или, наоборот,
Китчеватый — и от боковых ворот
В это место ведёт аллея.

Хорошо плющу по камням ползти,
Хорошо и нам словеса плести,
Отпускать в небеса, подержав в горсти,
И глядеть: таково парят ли?..
Бесприютное сердце Бог весть, куда
Вылетает, как ласточка из гнезда,
И обратно вернётся вряд ли.

* * *

Сколько было там *нашего* в нашей стране,
Мы уже не исчислим, тем более не
Сформулируем внятно... Но, видимо, чаша
Оказалась — при явленной общности — наша,
И каким бы ни помнилось горьким питьё,
На пространствах истории, мира, Европы
Обрываются тропы, срываются стропы —
И летят наши души, презрев бытиё,
Чтоб разбиться о *лучшие камни* её.

* * *

Похоже, мы ещё увидим виды.
За поношенья, страхи и обиды
Отмщенье Мне — и цены высоки.
И недруги напрасно торжествуют,
Пока на белом свете существуют
Святые чувства, когти и клыки.

Неровен час, закончится непруха.
Пока Европа, хитрая старуха,
У мутных вод юлит на бережку,
Из глубины доносится до слуха,
Как в тёмных недрах логова и духа
Империя, порывивая глухо,
Готовится к смертельному прыжку.

* * *

Всех нас, грешных, влечёт к чужеземным вершинам,
(В посещении коих бывает и прок),
Но приходит просодия с русским аршином,
Чтоб проверить предложенный ею урок.

Ни развязности муз, ни намёка улыбки,
И глаза — не нежнее пространств над Невой —
Знай, чернилами красными метит ошибки
Да качает безгрешной своей головой.

И находишь, что выделки стоит овчинка,
За которой и прячется небо без дна —
Уж такая по виду она разночинка:
И бледна, и одна, и навеки дана.

* * *

О ясноглазые гардемарины!
Как на картине, уже старинной,
Мы присягали — пускай умру:
Чести — так истинно небывалой,
Славе — так *всей* и *всему* добру...
Синий, трехцветный, кроваво-алый
Плещется флаг на сыром ветру.

О беззаветная верность стягу!
(Что в переводе: с другим не лягу.
Ляжешь, а как же. Уже легла.)
Поздно. Приспущены наши стяги,
Только последний, белей бумаги,
Бьётся, больней одного крыла.
Да и бумага — белым-бела...

Дунайские волны

А в саду городском, а в саду городском,
Там дорожки посыпаны белым песком,
Небеса источают полуденный зной
И деревья качает дунайской волной,

Золотые тромбоны на солнце блестят,
И мальчишки вдогонку влюблённым свистят,
А сумевшие скрыться под сень колоннад
Из бумажных стаканчиков пьют лимонад.

И пока там обеты дают на века,
И пока там конфеты жуют из кулька,
Их уносит не видимой ими судьбой
За не виденный ими Дунай голубой,

И пока там сгущаются тени, в саду,
Их заносит забвеньем, как тиной в пруду,
И хоронят, хоронят, хоронят живых
Под далёкое эхо музык полковых...

* * *

Вот то-то и оно, что нам слабо, мой свет,
Всецело осознав, что через двести лет
Заметных перемен под солнцем нет как нет,
С натугой проглотив смешок, застрявший в горле,
Отметив, что налоги вовсе спёрли
И что зависишь, строго говоря,
Хрен знает от какого, но царя,
Не говоря — толпы, не говоря — цензуры,
Пересчитав амуры и цезуры,
Извериться в словах и прелестях девах,
И хищну тварь о двух клюющих головах
Зря в небе над собой и тьму — на горизонте,
В последний раз вздохнуть о воле и правах —
И написать «Из Пиндемонти».

Из книги «Пятый угол»

* * *

В тёмном лесу проживают страсти,
Жуткие хищники. Рвут на части
Глупость и робость, овец и кур.
А не ходи ты туда с лукошком:
Там и морошки совсем немножко —
Много ловушек зато для дур.

Вот и поймали. А ты, покуда
Съесть не успели, — не ждёшь ли чуда?
Да, одного лишь: что враз помру.
Нет уж, не сразу. Душевно слабых
Крепко помесят в тяжёлых лапах —
Только потом унесут в нору.

* * *

В этом сне ты лежал лицом к стене
И говорил стене, а не мне:
«Я знаю, что ты глядишь. Не гляди.
Уходи».

И было утро, и я ушла,
А стена осталась там, где была.
И сиял за окном золотой февраль,
Дул фён (или даже *мистраль*).

И стояла великая тишина
(Уж такая тут в феврале весна),
И была она тоже как бы стена
Из другого сна.

И явился скворец. Ну давай, скворечь —
Хоть чужая, а всё же живая речь
(Потому что днём ты всегда молчал).
Солнце жгло. И скворец скворчал.

* * *

... И наступает пора, о которой
Жизнь теснит тебя с территорий,
Где ты разбил свои цветники
Вдоль её же реки;
Берёт свое и гребёт чужое —
И вот ты оказываешься за межою,
Откуда всё ещё виден свет,
Но возвращенья нет.

И наконец, по закону жанра,
Так хватает тебя за жабры,
Что не на суше — уже в воде
Невозможно дышать. Нигде.
И всё-таки дышишь. Но как противно
Дышать нечаянно, инстинктивно
И знать, что победа в этой борьбе
Совсем не нужна тебе.

* * *

Когда весна, и нежный месяц май,
Когда весна, а ты один на свете,
И как умеешь, так и не замай
Повсюду им развешанные сети;
Когда давно и сильно за полста,
И время наконец замкнуть уста,
А если повезёт — ещё и уши,
Поскольку соловьи по наши души
Вовсю свистят из каждого куста;
Когда уже не «твой» и не «твоя»
И неизбежно крепнет подозренье,
Что данный принцип был от сотворенья
Положен в основанье бытия, —
Отчаянье свистит в кустах сирени
Как минимум не хуже соловья.

* * *

Меня упрекали во всём кроме погоды...

И.Б.

Раз не летается, глянем на потолок:
Вроде бы там обретается некто Блок.
Блока не видно. Но видно зато того,
Кто беспощаднее всех упрекнул его.

Нас упрекают всегда, и во всём, во всём,
Плохо мы, дескать, службу свою несём:
Ловим слова, а они высоко летят,
Слабые ловятся, сильные — не хотят.

Блок... ну да что же, кто бы душой кривил:
Слабые тоже, но сильные — как ловил!
То-то и канул он, видимо, с потолка
В сплошь златотканые, видимо, облака.

Я бы жила бы тоже на потолке —
Сильные стали бы слабы в моей руке,
Слабые, может, сильнее — в предел уму.
Но не летается — *всё равно почему*.

Вот я сижу в моей комнате на полу
В пыльном условно пятом моём углу
(Долго плясала, реальный не обрета).
Это я всё писала шутя, шутя.

* * *

На другом, прекрасном, краю земли
Одуванчики, видимо, зацвели —
Не мели, Емеля:
Не твоя неделя и, знаешь ли, —
Не моя неделя.

И когда полетит их весёлый пух,
Неприменно случится одно из двух,
И не то чтоб чудо:
То ли ты не вспомнишь меня, мой друг,
То ли я забуду.

* * *

...сгоравших от туберкулёза,
писавших — что от любви.

И. Б.

Как мы жалели их — до слёз! —
Нездешние когорты
Возивших свой туберкулёз
На здешние курорты.

В швейцарских, боже мой, горах,
Манивших, как магнитом,
Лечил за совесть и за страх
(Но всё же обращая в прах)
Их доктор знаменитый.

В Швейцарских Альпах, боже мой, —
Тяжёлый плед, прохлада, —
Откуда никогда домой,
И вообще — *не надо*.

Там синий воздух разрежён,
Прозрачен, не надышан,
И флирт чужих мужей и жён
Небесно же возвышен,

Там смерть в блаженном полусне
(И в кружевной сорочке)
И доктор, доктор... и пенсне
На золотом шнурочке...

...А ты, мой миленький дружок,
Мой неслучайный встречный,
Такой же *влажный очажок*,

И от тебя один шажок
До самой скоротечной.

И мне назначен скорый крах,
Неместной из неместных,
В швейцарских, боже мой, горах —
Или, точней, — в немецких.

Но баба — в стиле аниме—
Исчезла вместе с возом,
И нынче станет на уме
В российской разве что тюрьме
Страдать туберкулёзом.

* * *

Тряпки свои прореживая
На предмет умирать:
Кофточка эта бежевая...
Хорошо б постирать.

И полезным бы занялась,
Или как — занялась?
Да и, может, под занавес...
Как сидела-то! Класс!

* * *

...Ещё я могла бы представить вполне,
Что ты, например, на далёкой войне,
И долгие годы пройдут, боже мой,
Пока ты с победой вернёшься домой.

Конечно, с победой! Конечно, живой —
Вот разве что с малость седой головой.
Что — долгие годы? Хоть тысячу лет!
Но долгих-то лет у меня уже нет...

* * *

...И, конечно, напрасный труд
Обшаривать лужу (даже не пруд) —
Жизнь, из котрой всё уже выужено
И на осклизлый прилавок выложено:
Лягушки, пьавки, одна змея
(Которая тоже я)
И мелкие рыбки (всего-то две),
Голова к голове.

* * *

Со второго по двадцать второе августа
Выйдет шанс не увидеться — судьба стережёт, волчица.
На макушке августа шевелюра кустов и трав густа,
Так что всякому-разному легче там не случиться.

Щеголять составными — это ещё с полагоря,
Настоящее горе — правильного калибра:
Это когда из вражьего военного стана-лагеря
Стаями хлынут белые, или хуже — верлибры.

Надо просто сидеть у зеркала, крепко-накрепко сжав уста, —
Жизнь страшна, но конечна, даже совсем большая, —
Со второго по двадцать второе августа,
Ни природе, ни времени не мешая.

* * *

Любовь, быть может, тем сильней,
Чем ближе расстоянье к ней,
К ней собственно, к её предмету,
К свиданью с ним, к Господню лету,
Куда ныряешь с головой,
Как в жизнь, — и к ней как таковой.

Любовь, быть может, тем сильней,
Чем ближе расставанье с ней,
С ней собственно, с её предметом,
С тоской о нём, с Господним летом,
Уже забывшим номер свой, —
И с жизнью как таковой.

* * *

Ты выпьешь хлебного вина
(А проще — водки) —
За Невской башней тишина,
И день — короткий.

А я не пью, и мне трудней
(*Вот счастье!* — спиться),
И тоже ночи дней длинней,
Когда не спится.

Но если день (пусть раза в два)
Короче ночи,
Жизнь в пересчёте на слова
Ещё короче,

Жизнь коротка, а ночь длинна
(Длинней вчерашней),
И тянет жилы тишина
За Невской башней.

Русалка

Ну так что — простимся? Меня не жалко:
Я не женщина, я — русалка
(И по мне если кто и заплачет — палка) —
Тут не часто вкусишь от людской любви.
Да и то сказать: арсенал наш скуден —
Разве только голос. Но если — *чуден*.
А не чуден — болтайся в лохани буден,
Мелку рыбку шибко плыви-лови.

Голос был небольшой. Да и тот — сорвался.
Но покуда сколько-то оставался,
Он у Вашей пристани раздавался
(Может, слишком близко и подплыла).
Да и чем кончается наше пенье?
Ох, не ваше торжественное успенье —
Обращаясь в неё, исчезаем в пене.
Вот и всё. Как будто и не была.

Не печальтесь. Вы бы и не могли бы
Поллюбить полуженщину-полурыбу,
Чьи (допустим, пленительные) изгибы
Вечно скрыты в пучине (читай — нигде).
Это только так говорится,
Что любовь возвращается нам сторицей.
Ну а пена — что? Побурлит-поискрится,
А потом растворится в морской воде.

Два стихотворения из цикла «Сказки»

* * *

Рога затрубили, как гуси, как гуси,
В старинном, печальном, торжественном вкусе —
И гуси летят, покидая луга...
— Хотите? Летите! — Ага!.. Га-га-га...

Смыкается клином гусиная стая,
Вожак окликает: — Четвёртый! Шестая!
Девятый! Шестая?! — Шестая... Ну да...
Я раньше-то первой летала всегда...

Как гуси, как гуси, рога затрубили...
Не здесь ли мы жили, кружили, любили?
Не здесь ли мы счастливы были вчера?
— Ну — были и были. Пора, брат, пора!

Мы вольные птицы, к тому же покоя...
Не здесь нам уже уповать на такое—
Иные, нездешние ждут берега...
Пора, брат! Пора, брат! — Ага!.. Га-га-га...

* * *

...А потом петушка унесла лиса
За высоки горы, темны леса,
За глубоки реки, за синь-моря —
И кричать калеке случилось зря.

Хоть и долго пришлось ей его нести,
А никто не пришёл петушка спасти,
Потому что в родимой его стране
Петушков осталось ещё вполне.

И достигла лиса, наконец, норы,
И висел там плакатик: «Конец игры»,
И осталось от белого петушка
Полстишка. (И одиннадцать грамм пушка.)

* * *

А как я живу? Да вот так и живу:
Принимаю вторник за среду,
Просьшаюсь (к чему-то) обеду
(А во сне всё еду — то ли в Москву,
То ли... в общем, на север еду).

Глоаю таблетку, сочиняю очередной стишок
(И я-то их складываю в мешок,
Но цена им — на рупь ведро) —
И на два часа становлюсь как шёлк,
Читаю какого-нибудь Дидро.

Спыхватываюсь на вечерней заре,
Варю картофельное пюре,
Строчу (в уме) письмецо.
И две вороны в моём дворе
Помнят меня в лицо.

* * *

Холодно, товарищи, холодно. Знать, задувает в щели
(Фальшиво притом насвистывая) ветер небытия —
Это старуха-смерть свои выбирает цели,
Одиннадцать тысяч выбрала, следующая — я.

Что же, вот она — я, целься, родная, целься —
Всё-то у вас, вредителей, видимо, недобор,
Хоть и прибор у тебя надёжнее даже цейсса,
Да и стрелять приходится большей частью в упор.

Что там потом на повестке? Ну как же, адские муки:
Стикс, поля асфodelей, смола и сковорода.
Всё ерунда. Безделица. Страшнее вечной разлуки
Никто ничего не выдумает. Ни за что. Никогда.

Диптих

Лето

...А за самой за станцией — чахлый лесок, овраг
И болотце, что ли... лужица?.. — водоём...
И поскольку я дура, равно как и ты — дурак,
В этом месте скоро окажемся мы вдвоём.

Нам не ставить жизнь — и тем более честь — на кон:
Обменялись коротким взглядом — и по рукам,
И пускай попробуют к нам применить закон —
Как известно, законы не писаны дуракам.

Мы с тобой пробудем там, может быть, полчаса —
Ты, понятно, навроде мужа, а я — жены,
И защитной станет нам узкая полоса
Отчуждения — во как отчуждены!

То же — толстая баба в будке, сплошной балласт, —
А чего ей: флажком помашет — и все труды.
Но не то что нам — она никому не даст
Ни картошки вчерашней, ни даже глотка воды.

Только нам плевать: мы лежим на живой траве
(Я вообще, по болезни брюха, почти не ем),
И нисколечко мыслей, ни памяти в голове —
А одно наслажденье друг другом и бытием.

И летят по насыпи скорые поезда,
Надрывая окрестность рёвом по временам, —
А над нами в полдневном небе стоит *Звезда*,
Никому-никому не видная — только нам.

Зима

...А теперь расслабься и покорись судьбе.
Всё равно поезда между пунктами «А» и «Б»
Со вчера не ходят — партизаны взорвали рельсы.
Так что волей её оказавшись в другом конце,
В неизвестном доселе внеплановом пункте «С»,
Оставайся, пожалуй, здесь. Заходи и грейся
(Не оставив вниманием лёд на косом крыльце)
В станционном бетонном строении типа «будка»
(Заодно, быть может, подсохнет твоя обутка)
На облезлой скамейке, в дальнем её углу,
Где сидит на цепи у пустого титана кружка
(Партизаны ушли, но вернулась и бдит наружка,
То есть будет спокойно). Плотней запахни полу —
Здесь не топят. И крепко сомкни уста.
(Русский Бог, не снятый ещё с креста,
Для своих подопечных такие хранит места,
Но, по милости mnogой, из местных запасов скудных
Оделяет порою и вроде тебя, приبلудных.)
И усни. И спи. И чем дальше — тем глубже спи
(И какие бы волки ни рыскали там, в степи, —
А не в этом месте застигнет тебя побудка) —
И наступит покой. Настоящий. Такой, как будто
Поезда, как всегда, между пунктами «А» и «Б»
Так и ходят себе.

* * *

...неважно себя чувствовал и днями лежал под пледом...

Из разговора

Мне представляется, как ты лежишь под пледом
(Вот, *устремляется*, взятым влекома следом),
Как к подбородку неверные тянут пальцы
Тоже неверное, вытертое одеяльце,

Как погружаеся разум в не сон-не бденье,
Как закружаются разом его виденья,
Как на окно напыляется фиолетом —
Мне представляется, как ты лежишь под пледом.

Ночи сменяются днями, земля кружится,
Каждый в какое-то время в постель ложится,
Каждый, свернувшись на мягком/не мягком ложе,
Сны свои видит. Я тоже их вижу. Также.

Да, ни малейшего шанса улечься рядом
Нет и не может быть. Но проникаю взглядом,
Чувством шестым и девятым, камланьем, бредом
(Мне представляется, как ты лежишь под пледом),

Но у такой кривоногой, нелепой — *норной* —
Нюх на порядок сильнее — в сравненьи с нормой,
Не говоря — зимой (вообще и летом).
Мне представляется, как ты лежишь под пледом.

* * *

Ты после смерти меня узнаешь любой инакой,
Если ты любишь собак, то возьмёшь собакой,
Если ты любишь кошек, пригреешь кошкой,
Если пернатых — приманишь пшеном и крошкой,
Их же и песенки всяких стишков получше,
А уж моих... не говоря — на случай.
Вот я и стану в жизни твоей уместной —
Преданной тварью. И главное — бессловесной.

Biergarten

...А Север есть Север. В четыре уже темно.
Ты выпиваешь стопку, закусываешь и говоришь умно,
Увлечённо. Может, даже весело. Но
Птица, которая я, давно не клюёт пшено,
Кошка, которая тоже я, искательно трётся мордочкой о лодыжку,
А собака — которой мне как не быть? —
Заперта в передней и уже начинает выть
И царапать дверь. Пора укрепить задвижку.

А Юг есть Юг. В девять ещё светло.
Посверкивает бутылочное стекло,
И пьют здесь пиво, а кто пофранцузистее — вино
На вольном воздухе. Птица клюёт пшено,
Кошка свернулась клубком на мягкой хозяйской куртке,
А собака — полубдит-полудремлет у толстой ножки стола,
И закатный луч, отразившийся от стекла,
Зажигает искры на рыжей холёной шкурке.

В это время душа... Ну а что — душа?
Она и тем уже, может быть, хороша,
Что ещё она кошка, собака, птица,
И она вышархивает, спеша
На Север. Чтоб вскоре и воротиться
И на круги своя, и в свой заколдованный круг,
Не осилив пространства хотя б до Бреста.
Ибо Север есть Север, а Юг есть Юг,
И с места им... и т. д. Да и нам — ни с места.

Содержание

По пыльной дороге...	3
Как о самой главной моей поре...	4
В лесу, где нет тебя...	5
А и правда, матушка....	6
С чего бы мне хотеть туда?..	7
Я теперь живу...	8
Ностальгия	9
Капитан, силком захвативший рубку...	10
Историческая песня	11
Кто вышел в Пушкины...	12
Морозко	13
А в тех селеньях...	14
Памяти родителей (Счастливым год сороковой...)	16
Комната в коммуналке...	17
А ещё, если вовремя приканил...	18
Не воскресить по щучьему велению...	19
Текст реакционный	20
Апология змеи	21
В китчеватой немецкой кафешке...	23
Я здесь одна...	25
Здесь липы не деревья — дерева...	27
Нынче июнь приключился в апреле...	28
Неотправленное письмо	29
А ещё я, сударь...	30
Ни дня без строчки, или в ожидании А. Г.	31
Прогулка литераторов в Нимфенбургском парке	32
Вариант сюжета	34
Элегия	37
В белый свет, как в копеечку...	39
Это необязательная болтовня...	40
Потому что поэмка...	41
Охота	42
Медленно, медленно мокрой дорожкой...	43
В этот замысел...	44

Кораблик	45
И, кажется, трудно...	46
ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ БРОДСКОГО»	
(Я — та старушка из той избушки... Летейские воды)	47
Старушка, одуванчик Божий...	49
У ангела домика нету...	50
Апология Б. Л. П.	51
Мы все когда-нибудь умрём...	53
С той поры утекло...	54
В этой точке...	55
Я к Вам пишу...	56
Кто готовит коньки и салазки...	57
Здесьнее время цветенья акаций...	58
Две песенки	
(Засыпает землю белым снежком... ...Только ты сперва говори «халва»...)	59
Старость	60
Под уклон скатившийся снежный ком...	61
Я стою на кухонном подоконнике...	62
Мне достался не худший клочок земли...	63
То плохоразличимы, то ясны...	64
Два стихотворения Яну Торчинскому	
(Я не зазнаюсь, милый... ...Словечки же лёгкой добычей не мни...)	65
Не поспевший к причастию буйвола...	67
Вместо баллады	68
Римляне-бритты...	69
Прощание славянки	70
С позволения сказать — гекзаметр	71
Ещё гекзаметр	72
Ах, коготок увяз...	73
Скерцо для трубы	74
Былинка	75
Баллада о запрещённой любви	76
Ледяную избушку построю...	79

Мир ограничен утёсом пустынным...	80
Ну вот и потерял ключик...	81
Любовь делилась пополам...	82
На самом склоне лет...	83
Что ж — Пушкин?...	84
Поэт в России больше...	85
Спасенья нет...	86
...А искусство, быть может...	87
В тридевтое время в тридесятой стране...	88
Андекс	89
Покуривая в нежном холодке...	90
Песня	91
Остановка на Дахауэр-штрассе	92
Стихи на покупку томика Пушкина...	93
ИЗ ЦИКЛА «ПОСТОСОВЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ»	
(Песенка о городе М.	94
Новая старая песня	95
Попурри	96
Не в итоге...	97
Из серии «Жизнь в искусстве»	98
Покуда вороны становятся в лом...	99
Неопределение творчества	100
...А ровно в полночь...	101
Трудясь с рассвета дотемна	102
И затем, что печальные эти места...	103
Артист привык во все века...	104
Ноябрьский день...	105
Отозвалось киске...	106
Прогулка	107
Кто стучится в дверь ко мне...	108
Памяти русской грамматики	109
Эпитафия	110
Манифестъ	111
Новогоднее	112
Всё-то тянет нас, беспечных...	114

Как гусеница шёлковую нить...	115
Что задаром дано соловью и розе...	116
Обрастая поэзией, как плющом...	117
Сколько было там нашего...	118
Похоже, мы ещё увидим виды...	119
Всех нас, грешных, влечёт...	120
О ясноглазые гардемарины!...	121
Дунайские волны	122
Вот то-то и оно, что нам слабо, мой свет...	123
ИЗ КНИГИ «ПЯТЫЙ УГОЛ»	
В темном лесу...	124
В этом сне...	125
...И наступает пора...	126
Когда весна...	127
Раз не летается...	128
На другом, прекрасном краю земли...	129
Как мы жалели их...	130
Тряпки свои прореживая...	132
Ещё я могла бы представить вполне...	133
...И, конечно, напрасный труд...	134
Со второго по двадцать второе августа...	135
Любовь, быть может...	136
Ты выпьешь хлебного вина...	137
Русалка	138
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ»	
(Рога затрубили...	
...А потом петушка унесла лиса...)	139
А как я живу?...	141
Холодно, товарищи, холодно...	142
Диптих	
(Лето	143
Зима)	144
Мне представляется...	145
Ты после смерти меня узнаешь...	146
Biergarten	147

**Избранное
Лариса Щиголь**

Типография
(Москва, ул. Шаболовка, д.14, стр.2)
Подписано в печать 05.03.2013
Формат 84х100/32
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Что мне больше всего нравится
в стихах Ларисы Шиголь — как они держатся.
Как себя ведут.
Держатся так, словно не дорожат собой нисколько.
Как будто им не нужен читатель, слушатель, адресат,
вообще — потребитель.
Ни на кого не рассчитывают,
ни с кем не считаются, даже с собственным автором.
Однако же вынуждены существовать.
Должны быть сочинены.
Оттого что в них происходит нечто важное,
какой-то не сразу уловимый взглядом сдвиг:
картинка вздрагивает всеми своими точками
и становится необратимо другой,
как будто открылось новое измерение.
И случайно привязавшийся мотивчик уходит в музыку.
Я почему-то впервые подумал: как странно,
что стихи пишутся (и печатаются) сверху вниз.
На самом-то деле все наоборот, взгляд идет вверх,
к последней строчке.
Стихотворение Ларисы Шиголь
действует, как пиротехническое устройство,
как новогодняя какая-нибудь шутиха:
неторопливо развернуть упаковку,
дернуть за нитку — и над головой воссияет, кружась,
огромная цветная искра.

Самуил Лурье